

Баков Хангери Ильясович

**К ПРОБЛЕМЕ СВОЕОБРАЗИЯ ЛИРИКИ АДЫГЕЙСКОГО ПОЭТА-ФРОНТОВИКА ХУСЕНА
АНДРУХАЕВА**

В статье рассматривается своеобразие военной лирики в адыгской (адыгейской, кабардинской и черкесской) поэзии на материале творчества поэта-фронтовика Хусена Андрухаева в контексте литературы региона. Основное внимание уделяется тематике и проблематике стихов, а также их композиции и художественному мастерству автора. В статье выявляется национальное своеобразие лирики Х. Андрухаева.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 15-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

популярного шлягера и творения гения на равных входят в интертекст, поскольку значим лишь тот факт, что они кем-то когда-то были сказаны» [4, с. 28]. В идиолекте существует подвижная иерархия элементов по их ценности, значимости и актуальности для читающего этот «ландшафт» «здесь и сейчас».

Личное творчество – это результат индивидуальных особенностей личности автора. Исследовав особенности общекультурной инварианты произведений автора, силу «предания», интерпретатор может приблизиться к пониманию вариативной части произведения, которая будет сугубо индивидуальной, авторской. Таким образом, когда мы говорим о том, что ни одно произведение не является исходным и все произведения сотканы из цитат, правильней будет говорить о принципе дополнительности элементов в идиолекте, а не о плагиате или «переписывании» старых сюжетов.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 500 с.
2. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
3. Калмыков А. А. Введение в экологическую психологию: курс лекций. М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. 128 с.
4. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
5. Лаврова С. Ю. Художественно-лингвистическая парадигма идиостиля Марины Цветаевой: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2000. 47 с.
6. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 607 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 704 с.
8. Топоров В. Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. М.: ОГИ, 2004. 264 с.

LEXICO-SEMIOTIC SPACE OF AN IDIOLECT

Akatova Aleksandra Aleksandrovna, Ph. D. in Culturology
Nekrasov Kostroma State University
aaakatova@mail.ru

The article examines the degree of impact of common cultural and general-linguistic factors on individual cognitive and linguistic peculiarities. The paper attempts to describe idiolect as a semiotic structure, possessing cumulative function of “memory”. The idiolect seems to be the manifestation of some mental-contextual space that allows identifying it with the author’s idiostyle. Resonating with the chronotopos of M. M. Bakhtin and intertextuality of J. Kristeva, the concept of idiolect (idiostyle, in case of literary works) becomes crucial for understanding and analysis of the category of authorship.

Key words and phrases: language; culture; idiolect; idiostyle; chronotopos; intertextuality; semiotic system.

УДК 821.352.3

Филологические науки

В статье рассматривается своеобразие военной лирики в адыгской (адыгейской, кабардинской и черкесской) поэзии на материале творчества поэта-фронтовика Хусена Андрухаева в контексте литературы региона. Основное внимание уделяется тематике и проблематике стихов, а также их композиции и художественному мастерству автора. В статье выявляется национальное своеобразие лирики Х. Андрухаева.

Ключевые слова и фразы: лирический герой; поэтический перевод; художественное слово; литературное творчество; поэзия; символ; строфа; социолог; миф.

Баков Хангери Ильясович, д. филол. н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ СВОЕОБРАЗИЯ ЛИРИКИ АДЫГЕЙСКОГО ПОЭТА-ФРОНТОВИКА ХУСЕНА АНДРУХАЕВА ©

Тема Великой Отечественной войны все еще остается актуальной, хотя с ее окончания прошло 70 лет. Раны и боль войны время залечило не до конца. К тому же в последнее десятилетие в Европе, Прибалтике и Украине появилось немало тех, кто хочет оправдать фашистов и их приспешников, принимавших активное участие в зверствах на своей родине. Все это делается для принижения роли Советского Союза в разгроме фашизма.

В данной статье мы хотим напомнить некоторые факты жизни и творчества адыгейского молодого поэта Хусена Андрухаева, получившего первым из советских писателей звание Героя Советского Союза в контексте

всей адыгской военной лирики, которая создавалась известными поэтами и писателями. Поскольку «жанр очерка-портрета не дает возможностей всестороннего изучения художественного творчества писателя» [4, с. 203] и поэта, в представленной статье мы рассмотрим творчество Х. Андрухаева в контексте развития литературы региона.

В период войны лирика становится более открытой, эмоциональной, искренней и честной. Она, словно сейсмограф, отразила огромные потрясения войны на шкале нравственности. Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские) поэты, в том числе и Х. Андрухаев, обратились к традициям фольклора, в котором защита родины является одной из ключевых тем. Название одного стихотворения Аскера Евтыха взято из народной поэзии – «Мардж» – это боевой клич, который зовет к борьбе всех, «кто способен обути ноги» (букв. по-русски «И стар и млад»). В начальный период войны стихи поэтов приобретают формы посланий, призывов. В них стало больше обращений, личных местоимений, глаголов в повелительном наклонении. Война обнажила чувства до предела, это потребовало от поэтов прямого слова, обращенного ко всем и каждому. Во многом поэзия обогащается приемами декламации, риторики, рефрены, напоминающие средства гипноза («Жди меня... жди... жди...», например, К. Симонова), встречаются не только в лирике К. Симонова, но и в творчестве М. Исаковского, А. Твардовского, оказавших значительное влияние на военную лирику всей советской многонациональной литературы. Многие стихи тех лет «легли» на музыку и стали популярными, а некоторые – народными песнями литературного происхождения.

Если в поэзии молодых адыгских поэтов-фронтовиков (А. Евтых, А. Гадагатль, Х. Андрухаев, А. Ханфенов) преобладали стихи декларативного, призывного характера, то в лирике Алима Кешокова уже были произведения философского характера, ибо он уходил на фронт уже сложившимся поэтом. В стихотворении «Счастье», обращаясь к персонифицированному XX веку, он писал:

Вступи за счастье в бой горячий,
Зовется счастьем этот бой –
И я вступил на путь бойца,
И нет пути тому конца (пер. С. Липкина) [3, с. 97].

Поэзия А. Кешокова военных лет сыграла важную роль в развитии философской лирики. Его обращение к традициям фольклора носит более высокий уровень, нежели у других поэтов его поколения. Яркое свидетельство тому знаменитое стихотворение «Путь всадника» (1944), в котором автор обыграл адыгский миф о том, как во время Всемирного потока некий дерзновенный черкесский всадник увел на небо табун лошадей, и этим он спас лошадей. Его дорога, усеянная искрами из-под копыт, ставшими звездами, стала Млечным Путем, которого черкесы называют «Путем Всадника». Развив далее содержание мифа, А. Кешоков создает глубоко философский образ после описания этого мифа, в последней строфе говорится:

О, если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле.
Вскочил бы на хребет его, помчался
И Млечный Путь провел бы на земле
(пер. С. Липкина) [Там же, с. 80].

Какой образ! Что может быть важнее того, что указать людям дорогу. Ведь и Данко М. Горького вынул сердце, чтобы осветить дорогу.

Х. Андрухаев ушел добровольцем на фронт, где был одним из достойных снайперов. Ярким символом дружбы советских народов является и то, что адыг Х. Андрухаев, русский Николай Ильин, украинец Афанасий Гордиенко, как эстафетную палочку, передавали друг другу одну снайперскую винтовку, из которой они метко разили общего врага (первые двое из них стали Героями Советского Союза). Эта винтовка хранится в Центральном музее Вооруженных сил СССР. Символично и то, что Х. Андрухаев погиб в неравной схватке с фашистами на украинской земле у селения Дьяково Донецкой области. В ту последнюю осень поэта ему только пошел 21 год жизни. Рота политрука Хусена обороняла важную высоту, отбивая яростные атаки превосходящих сил врага. Тяжело ранен командир, командование берет в свои руки Андрухаев, который приказывает отступить небольшой группе оставшихся в живых, а сам с пулеметом прикрывает ее. Отстрелив последний патрон, он берет связку противотанковых гранат и поднимается на бруствер. Немцы кричат: «Русь, сдавайся, на что Андрухаев ответил, что русские не сдаются. Подпустив фашистов, он взорвал и себя, и врагов. Подоспевшие солдаты нашли его обгоревший партбилет с пятнами крови. Его показали бригадному комиссару Л. И. Брежневу, который тогда сказал: “На советской земле Хусен был хозяином, и не мог он ответить немцам иначе как «Русские не сдаются!»» [2, с. 8].

В то время весть о подвиге Х. Андрухаева облетела много мест в тылу и на фронте, и он был сразу же представлен к высшей награде Родины.

Действительно память о Х. Андрухаеве продолжает жить. Сегодня именем героя названы улицы, школы, Адыгейское педучилище в г. Майкопе, где он учился. Два памятника сооружены на родине Х. Андрухаева в Шовгеновске и в селении Дьяково на Украине. Его имя связало дружбой многих людей из этих селений. О подвиге, за который Х. Андрухаеву первым из советских писателей было присвоено звание Героя Советского Союза, газета «Правда» на первой странице 28 марта 1942 года напечатала отдельную статью, она заканчивалась словами: «Никогда народ не забудет младшего политрука Хусена Андрухаева, геройски погибшего в неравном бою с захватчиками...» [Цит. по: 1, с. 15].

Хусен Андрухаев сменил поэтическое перо на оружие, не успев раскрыть до конца свои творческие возможности. Он погиб, но осталась добрая память о нем, остались его стихи. Пророческими стали его слова:

Я песню свою до конца допою,
Мне с нею и смерть не страшна.
И если мне трудно придется в бою,
Оружием станет она
(«Я буду петь», пер. В. Твороговой) [Там же].

Х. Андрухаев остался вечно молодым. Молодой была и его поэзия, лирическая, деревенская. От природы он обладал даром художественного слова и прекрасным чувством формы. Творческую жилку Хусен унаследовал от матери Кутас, талантливой сказительницы. На него, как и на многих поэтов народов Северного Кавказа тех лет, плодотворное влияние оказала русская поэзия, в частности творчество А. С. Пушкина, В. Маяковского, С. Есенина. Пушкина он считал «солнцем русской поэзии». В стихотворении, посвященном великому поэту, он пишет искренне:

Калмык и славянин, и я, адыг,
Мой Пушкин – говорят тебе как брату.

Такое же «поэтическое родство» юный Х. Андрухаев находил и у Маяковского. Прочитав несколько выдержек из его стихотворения «У портрета Маяковского»:

Такой большой, плечистый и простой,
Ты, Маяковский, смотришь со стены.
Одни мы в этой комнате пустой.
О многом мы поговорить должны.

Далее лирический герой продолжает творческую декларацию:

И так хочу я быть таким, как ты,
Чтоб и мои стихи врага разили,
А другу не жалели доброты.
Как ты и Нетте – так я жить хочу,
Чтоб жизнь была борьбою и гореньем.
И пусть твои стихи плечом к плечу
Стоят в строю с моим стихотвореньем [Там же, с. 21].

Х. Андрухаев был общественно активным человеком, поэтому его пленяла революционная гражданская лирика В. Маяковского. Но он любил и ценил и С. Есенина, поэта совершенно другой интонации. Вызывает удивление гражданское мужество и прозорливость молодого Х. Андрухаева, который в сложный период преследования С. Есенина гораздо раньше многих известных писателей и ученых открыто сказал, что «общего» у двух великих российских поэтов – Маяковского и Есенина – гораздо больше, чем того, что их разделяет. Мысль Х. Андрухаева подтверждает в своей книге известный поэт Кирымзе Жанэ: «Странные люди есть, – неожиданно заметил Хусен. – Маяковского признают, а Есенина нет. А ведь это поэты, которые с одинаковой силой затрагивают сердечные струны. Возьми землю и небо – что одно без другого? Так и они – разные грани необъятного духовного мира нашей Родины» [Там же, с. 16].

Наряду со стихами большого гражданского накала и темперамента, у Х. Андрухаева есть лирика, идущая от есенинской традиции и адыгской народной поэзии. Создает он и романтическую картину родной природы, как, например, в стихотворении «Кавказ», в котором горы укутались «в тучи, как в бурки, и надвинули на лоб облака», а олени проходят, «рогами качнув синеву». В другом стихотворении «Летнее утро» мы видим живые и задорные интонации, свежие эпитеты и сравнения: ветер разогнал облака, «словно волк отару», «роса зажглась хрусталем на застенчивых, как невеста, цветах».

Поэзия Андрухаева душевная, лиричная, простая по форме и емкая по содержанию. Есть у него и попытки философского осмысления действительности.

К Х. Андрухаеву рано пришла известность. Об этом свидетельствует тот факт, что молодой поэт был приглашен в 1936 году на заседание Первого Съезда адыгейских писателей.

Плодотворно занимался Х. Андрухаев поэтическими переводами с русского на адыгейский.

Судьба отпустила Х. Андрухаеву очень мало времени для творчества. Он, можно сказать, писал «наперегонки со смертью». Однако его наследие: стихи, переводы, литературные статьи, очерки, корреспонденции – говорит о том, что в нем зрел огромный талант, яркая творческая индивидуальность. Война оборвала его жизнь в начале творческого пути.

Поэзия – это, образно говоря, «литературная разведка», это барометр человеческих мироощущений, радостей, переживаний. Человеческие чувства предельно обнажаются в периоды больших испытаний, поэтому нам дорога лирика, посвященная Великой Отечественной войне. Об этом свидетельствует и творчество следующих поколений адыгских поэтов – Исхака Машбаша (он посвятил Х. Андрухаеву прекрасную поэму «Память»), Мухадина Бемурзова, Курмана Дугужева, Анатолия Бицуева и др., продолжающих традиции поэтов-фронтовиков.

Список литературы

1. Андрухаев Х. А. Считайте меня живым / предисловие Киримзе Жанэ. Майкоп: Адыгейское отд. Краснодарского книжного издательства, 1976. 111 с.
2. Беляева Т. К. Традиции русской советской поэзии в творчестве Хусена Андрухаева // Проблемы адыгейской литературы и фольклора / Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории. Майкоп: Изд-во АНИИ, 1988. С. 3-23.
3. Кешоков А. П. Избранное: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 1. 302 с.
4. Хавжокова Л. Б. Творчество Бориса Гедгафова: духовно-философская и нравственно-эстетическая основа поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37). Ч. 2. С. 203-205.

**TO THE ISSUE OF PECULIARITY OF THE LYRICS
OF THE ADYGHE POET-WAR-VETERAN KHUSEN ANDRUKHAEV**

Bakov Khangeri Il'yasovich, Doctor in Philology
Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches
lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

The article examines the peculiarity of the war lyrics in the Adyghe (Adyghe, Kabardian and Cherkess) poetry by the material of the creative work of the poet-war-veteran Khusen Andrukhaev in the context of the regional literature. Special attention is paid to the theme and problematic of poems, and also the composition and the artistic skill of the author. In the article the national peculiarity of Khusen Andrukhaev's lyrics is revealed.

Key words and phrases: lyric character; poetic translation; artistic word; literary creative work; poetry; symbol; verse; sociologist; myth.

УДК 82; 821.161.1

Филологические науки

Данная статья представляет собой небольшой фрагмент исследования, посвященного проблеме визуально-графического восприятия поэтических текстов Арсения Тарковского. Суть его заключается в том, что языковая графика позволяет тексту «совершить переход» из плоскости горизонтали или вертикали в 3D-графический объект, при этом поэтическое пространство осмысливается с позиции архитектурности. Основываясь на специфике художественного мира Арсения Тарковского, рассматривается графический код треугольника, а сам треугольник мыслится как метаобъект, который находится между авторским сознанием в тексте и отраженной в нем действительностью.

Ключевые слова и фразы: графическая составляющая текста; языковая графика; графический код треугольника; объект-модель/метаобъект; структурная семиотика; дешифровка кодов поэзии; «архитектура» текста.

Боковели Ольга Сергеевна, к. филол. н.
Тувинский государственный университет
OlgaBokoveli@gmail.com

**ДЕШИФРОВКА ГРАФИЧЕСКОГО КОДА ТРЕУГОЛЬНИКА
В ЛИРИКЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО©**

Дешифровка кода художественного произведения – один из сложнейших предметов анализа в литературоведении. По замечанию Н. А. Тарасенковой, «кодирование смысла в какой бы то ни было форме – хитроумнейшее изобретение нашего мыслительного аппарата, стремящегося к максимальной экономии собственных ресурсов. В свернутом, “закодированном” виде информацию проще хранить, ее легче отыскивать в памяти, чтобы затем развернуть и использовать» [10, с. 203]. Художественный текст не является исключением, это система заархивированных и закодированных смыслов, которые необходимо дешифровать.

Вслед за Ю. М. Лотманом, мы воспринимаем написанный художественный текст как «устройство», как систему «разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение» [6, с. 7]. И, принимая данное определение за основу, можем предположить, что одним из таких пространств является графическая составляющая текста. Вопрос только в том, что под этим подразумевать. В данной статье под графической составляющей понимается не деление поэтического текста на строфику, и даже не графическая поэзия вообще, а некая особенность текста, связанная с тем, что текст способен переходить из одной плоскости (скажем, горизонтали или вертикали) в 3D-графическую модель, в основе которой может быть зашифрован знак – символ, предвосхищающий последующее повествование.

В связи с этим в настоящей работе будет осуществлен имманентный анализ лирических произведений с привлечением интеллигентных технологий, которые позволят вычленивать, дешифровать и описать графическую составляющую в стихотворениях Арсения Тарковского.